

Фантош. Моя мишень

Автор:

Алина Савельева

Фантош. Моя мишень

Алина Савельева

Я тайком писала его портреты. Он соблазнил меня в первый же день знакомства. Я дочь криминального авторитета. Он самый таинственный человек на планете. Отец создаёт из меня киллера и моя мишень – Фантош. Марионетка отца, виртуозно обманувший его. Враг отца, моя любовь, моя мишень. От автора: Первая часть романа. Двухтомник.

Алина Савельева

Фантош. Моя мишень

Глава 1

Сашка внимательно смотрел на подъезжающую мишень, а мне куда интереснее было смотреть на него. Неправильные черты лица, глубоко посаженные глаза, переносицу явно ломали, может, и не один раз, косой шрам от брови до уха. Но все это его совершенно не портило, только придавало больше мужественности и брутальности.

Сашка Борзой не зря получил свою кличку. Ни за что не уступит своего и запросто полезет на рожон, если ему что-то не понравится. Бесстрашный, наглый и упертый. И плевать ему на статус и авторитет. Как его Клим терпит?

– Нормально, – коротко оценил мою стрельбу Саша и, перепрыгнув через стол, снял использованный картон.

– Все в десятку – это отлично! Учи новые слова, Санечек!

– Ни к чему, – соизволил ответить мой сэнсэй, что с ним бывает не всегда.

Я специально встала прямо перед столом, чтобы у него не было возможности перепрыгнуть обратно, не подвинув меня при этом. Он давно мне нравится. С тех самых пор, когда мой папаша заявился в детдом в поисках сына Валеры. А ему подсунули меня. Саша тогда тоже с ним приезжал и казался мне невероятно крутым и красивым парнем. Мой трюк не сработал, Сашка просто вышел в другой части тира в дверь, крикнув мне:

– Тебя Клим ждет, Кид, поторопись.

Кид. Я для него всего лишь ребенок. Они меня все так называют. Сначала ржали, что я киндер-сюрприз для Клима. Вместо сына оказалась дочь. А потом сократили кличку до «Кид». Вся папины соратники и подельники или как еще их обозвать? Коллеги воровского цеха? Называют меня киндером. А некоторые просто ребенком.

До кабинета папы по хитросплетениям ресторана с подпольным казино я добралась за пару минут, но вот его самого еще не было. И я уселась в широкое кресло, решив дочитать роман.

И зачем я потратила целую неделю на эту книгу? Такое красивое название – «Приют грез», и такое дикое разочарование в процессе чтения. Элизабет, конечно, еще ничего, но этот Эрнст слюнявый тюфяк! Поклонники Ремарка закидают меня... чем, интересно? Укоризненными покачиваниями головы и осуждающими взглядами? Как моя подруга Катя, которая читает Ремарка запоем. Но все же я увлеклась и не заметила, что папа уже в кабинете и что-то мне внушает.

– Кид! Ты опять меня не слушаешь!

Высокий, жилистый и уже изрядно высохший мужчина с невыносимо тяжелым взглядом и раздувающимися от злости ноздрями отвлек меня от размышлений, сморщив свой и без того не гладкий лоб.

– Я Лера. Слушаю, папочка! Внимательно и уважительно.

– Я же просил меня так не называть! Мать твоя и тут меня опрокинула! Обещала сына родить. А родила тебя и отъехала, не дождавшись меня!

– Так мог бы и не искать меня, сам же приперся в детдом.

– Я вообще-то сына Валеру искал, а мне тебя подсунули. Только не соскочить теперь, три теста ДНК на тебя извел.

– Я помню, как ты орал, что всем твоим поделникам отсидевшим пацанов выдали, а тебе девку, хоть ты и раньше очередь занимал. Требовал справедливости и обещал пожаловаться куда следует.

– Поностальгируй мне тут еще. Завтра едешь с Борзым на дело. Обнаглели черные, надо прижать.

– Не хочу я никого прижимать! Я вообще не расистка!

Конечно, я знала, что война между группировкой моего папаши и нагло ворвавшимся в его отсутствие кланом из соседней, богатой на урожай опиатов страны идет не на жизнь, а на смерть. Национальность и цвет кожи совсем не при чем. Тут споры и интересы другие.

– Разве я спросил, чего ты хочешь? Может, мне все-таки отправить тебя на мамкино место? И братве радость, и ты мне перестанешь нервы дергать? Двигай к Борзому, пока я добрый, – угрожающе растягивая слова, Клим выпроводил меня из своего мрачного кабинета.

Так получилось, что моим папашей оказался лидер ОПГ и «Законник» Иван Клементьев, среди своих братьев попросту Клим. С моей мамой у них был служебный роман, если это можно так назвать. Мама была представительницей древней профессии, а папа, собственно, и являлся хозяином этих домов любви

по фиксированным расценкам. И в какой-то момент забрал ее к себе с точки в личное и безраздельное пользование. Через пару лет она забеременела мной, а папа присел на шестнадцать лет на зону. Мама умерла при загадочных обстоятельствах, а так как ни родственников, ни мужа у нее не было, меня отправили на воспитание государству, еще в грудничковом возрасте.

Он нашел меня сразу как вышел, вот только до последнего надеялся, что в документах напутали и у него сын. И очень злился, что ему в принципе нельзя иметь ни семьи, ни детей, а тут еще и такая подстава. Вместо наследника бестолковая девка с кисточками и красками не державшая в руках пистолета. Но забрать меня оттуда не захотел на самом деле по очень весомым причинам в его мире. Но встречаться мы стали очень часто, и за два года я пропиталась этой атмосферой и свыклась с мыслью, что нормальным человеком мне уже не стать.

Гоняют меня туда-сюда. Как шнурок болтаюсь от одного Бармалея к другому, что за жизнь такая?

– Эту завтра брать? – протянул мне Борзой мою снайперскую винтовку для проверки. – С тебя только лишить их зрения.

– В глаз стрелять самому несимпатичному?

– Нет, геликам по фарами, – терпеливо, как будто не заметив моего презрительно-насмешливого тона, объяснил Борзой.

– Сашка, а ты меня боишься, что ли? – поинтересовалась я, надеясь, что он оправдает свою кликуху и оборзееет.

Сашка, лениво склонив голову и посмотрев на меня как на дитя неразумное, так же спокойно ответил:

– Такой задачи не было.

– Ты не Борзый, ты нудный.

– Завтра заедем, примочки твои тоже возьму. И уходи через второй зал, у Клима гость.

– Саш, а пригласи меня на свидание, – в очередной раз предприняла я попытку сблизиться с этим парнем.

– Меня с такой рожей в кафе-мороженое не пустят, вали домой, Кид, – снова отшил меня непробиваемый Борзой.

Как же, ребенок. Как на дело брать, то никого это не смущает, а как на свидание пригласить, то сразу Кид! Все они тут так ко мне относятся. С тех пор, как Клим стал забирать меня из детдома, присылая Сашку, под видом художника, который решил взять в подмастерье талантливую ребенка. Вот только обучал он меня совсем другому. Драться, стрелять и метать ножи. Кого же хочет сделать из меня папочка? Киллера или телохранителя?

– Хороший у тебя глазомер. Наверное, твое хобби малевать картинку помогло, – говорил мне Сашка, когда впервые ему пришла идея научить меня снайперскому искусству.

Естественно, никто в детдоме не знал, что Клим – мой отец, кроме директрисы. И мне очень доходчиво объяснили, что будет с теми, кто узнает это от меня. Поэтому я не говорила никому, даже подруге, и делала вид, что езджу учиться писать картины в мастерскую художника. Но один плюс был. Сразу после того, как объявился Клим, ни меня, ни моих друзей больше не трогали воспитки и старшаки.

Я хотела после детдома жить самостоятельно и не связываться с отцом и его бандой, но практически сразу мы с Катей остались без квартир. И я сильно подозреваю, что поспособствовал этому Клим, зная, что я хочу от него независимости.

Наверняка он думал, что я прибегу к нему. Но я упорно скиталась с Катей по углам. Во-первых, надеясь, что он от меня отстанет, во-вторых, Катю я не брошу и в логово отца не поведу. Боюсь, он ее не пожалеет, как меня, и найдет ей применение в своем грязном и разностороннем бизнесе.

Но пока я на крючке. Я до икоты боялась, что он заставит меня стрелять в людей. Иначе зачем меня обучать всему этому? Но пока до этого не дошло. Я, конечно, понимаю, что, прикрывая его соратников на встречах, участвую в чем-то противозаконном. Они же там не в нарды играют и, возможно, оставляют за

собой трупы. Я старалась об этом не думать. Или думать, что они убили очень плохих людей. Продающих наркотики детям. По сути, тоже убивая их еще несмышленишами.

Представляя, что я этим спасла много жизней, было легче переживать то, что я встала на скользкую дорожку. Катя все время говорила, что у нас получится вырваться и научиться жить как нормальные люди. Вот только она и не догадывалась, что я уже никогда не стану нормальной и мне не вырваться. Но для нее я действительно этого хочу.

Папаша давал мне деньги, конечно, не так, чтобы хватало на все, но я могла бы снимать какой-нибудь угол или комнату. Вот только объяснить подруге, где я взяла эти деньги, было затруднительно. И мне приходилось каждый раз выкручиваться. Мои идеи оправдывать легкий доход роликами в интернете проваливались с треском. Просмотров было ничтожно мало что на отснятых розыгрышах, что на моем канале для начинающих художников. Даже Катя не поверит, что мне хоть что-то заплатили за это.

– Лера, а как мы тут будем жить? – оглядывая чердак, спросила Катя. – Тут же только ночевать можно. Не помыться, ни еду приготовить.

– Ее все равно не из чего готовить. Душ в подвале. Домомучительница ключ даст.

– А где ты сегодня была?

– Гуляла. Я до утра не разговариваю, – сообщила я Кате. Это мой любимый метод уходить от вопросов еще со времен детдома. Я просто включала плеер и слушала музыку, писала свои картинки. И все со временем привыкли, что бесполезно меня донимать, все равно не буду разговаривать. Мне ничего не стоит соврать, но иногда просто лень что-то придумывать и потом еще, забыв, что наврала, и запутаться в своем же вранье, что случалось нередко раньше, и я решила просто молчать, если не могу сказать правду.

Я не предполагала, что на этом чердаке мы задержимся надолго. Надеюсь, что придумаю что-нибудь за пару дней. Но в первый же вечер, глядя на угловые квартиры нашего дома, увидела в окне самого обалденного натурщика.

Мужчина неторопливо прошелся по комнате, поставив сумку на столик. Так же неспешно прошел к дивану и, остановившись, стянул футболку, предоставляя моему взору широкую мускулистую спину, на которой, мне казалось, есть широкий шрам, но из-за расстояния я точно этого определить не могла. Закинув руку на массивную шею, он вертел головой, наверное, разминая ее после напряженного дня. Вдруг мужчина застыл и медленно повернулся к окну, с такого расстояния я не могла четко видеть его лицо, но, судя по застывшей в движении позе, он был чем-то обеспокоен или напуган. Неторопливо, плавно передвигаясь, как тигр на охоте, приблизился к стеклу. Он разглядывал пустой двор и детскую площадку, утонувшую в темноте, а я пыталась запомнить его. Этот мужчина явно не пренебрегал тренажерным залом и наверняка пользовался популярностью у женщин, даже если лицом не вышел. Особо крупная особь. Альфа-самец.

Наверное, не обнаружив ничего интересного внизу, он поднял голову и осматривал нашу сторону дома, останавливаясь взглядом то на одном, то на другом уровне. И когда он дошел до верха, уставился прямо в наше окно чердака. По спине пробежал холодок, хотя видеть он меня точно не мог, свет у нас не горел, и с его ракурса окно было немного под наклоном, отражая лунный свет, обеспечивая мне надежное прикрытие. Ну, если он не сверхчеловек, конечно, с возможностью видеть сквозь стены. Но даже понимая это, я не шевелилась до того момента, пока он не скрылся из вида.

Уже неделю я в час ночи караулю его, пока Катя сладко спит.

За это время он всегда приходил примерно в час ночи и всегда один. Никогда не закрывает шторы, раздеваясь при включенном свете до трусов. Сегодня тоже приехал около часу ночи. И сразу ушел в ванную, пробыв там минут пятнадцать, вышел, на ходу оборачивая бедра полотенцем. Я уже собиралась тоже идти спать, зная, что сейчас он пройдет на кухню, выпьет сок прямо из пакета, достав из холодильника, и уйдет спать. Но мужчина отправился к входной двери, на несколько минут скрывшись из вида. А вернулся уже не один. За ним зашла в комнату женщина, на ходу скидывая рубашку-платье. А кино-то сегодня намного интереснее! Аж сон как корова слизала. Значит, сегодня вместо отжиманий от пола другие упражнения у мужчины.

Мужчина сел на диван – ко мне спиной, откинув полотенце и раскрылив свои руки по спинке дивана, расслабленно ожидал, когда его женщина к нему подойдет. Потрясная у нее фигурка, немного полновата, но ее это совсем не

портит, даже еще сексуальнее богатые формы. Зачем-то посмотрела на свою грудь, тоже, между прочим, немаленькую. Но этой красотке я явно проигрываю. Не говоря уже о ее бедрах, достойных кисти Рубенса. Чуть полноваты, но от того только еще более женственны.

Подойдя к мужчине, она опустилась перед ним на колени, а я заерзала, пытаюсь устроиться удобнее и меняя ракурс, чтобы было больше видно. Даже не могу оторваться на минуту, чтобы сбегать за водой. Потому что во рту пересохло и, кажется, этот летний вечер слишком душный. Жарко и не спасает приоткрытое окно.

Мне не видно было, что делает женщина, но я, конечно, догадывалась, что не стихи ему читает. Мужчина откинул голову на спинку дивана, вроде с закрытыми глазами, не видно.

Неожиданно, как в первый вечер, по телу прошел озноб, но теперь на фоне учащенного сердцебиения, и через мгновение сменился горячей волной. Потому что мужчина встал и пошел к окну, прямо как был, совершенно обнаженный. И я очень жалела, что не взяла бинокль, хотя и с этого расстояния его достоинство было видно, но не детально. Не напишу же я это место размытым пятном.

Подойдя к окну, мужчина задернул шторы. Блэкаут, совершенно не пропускающие свет. Ни снаружи, ни изнутри. Окно стало черным, как будто телик выключили. Черт, на самом интересном! Куда заплатить за дальнейший просмотр? Киньте ссылку!

Глава 2

Обожаю ходить на тренировки в зал. Давно привыкла к пропитанному запахом пота помещению в подвале ресторана Клима. Тут можно без палева глазеть на мужчин, бойцов нашей банды. В основном бывшие спортсмены или наемники, служившие в горячих точках по контракту. Безжалостные, привыкшие выполнять команды не задумываясь и не обсуждая приказ. Горячие парни.

Ризван по кличке Резвый сегодня в спарринге с Сашкой. Мое любимое шоу. И я, конечно, иду занимать место в первом ряду. Резвый, наш тренер, очень опытный боец, но Сашка уже давно ему не уступает. Ни в технике, ни в силе.

Мужчины не ходили кругами вокруг, как часто бывает на ринге большого бокса. Они постоянно были в атаке, пытались приласкать друг друга кулаками, затянутыми в кистевые бинты для боя без перчаток.

– Дед, какие ставки? – поинтересовалась я папиного друга, который стоял с ним у истоков, прошел весь путь и был его правой рукой. За что и уважительно обзывался Дедом.

– Они на байк зарубились. Климу сегодня отслюнявили один мотоцикл из подопечного нам салона. Проиграет тот, кто первый упадет на маты.

– Я тоже хочу байк! Значит, я с победителем этого раунда забиваю очередь!

– Тебя переломают, Ребенок. Если ты, конечно, не со своей винтовкой туда полезешь.

– Это мы еще посмотрим! Они сильные, а я быстрая! Ставь на меня, Дед. Выигрыш попилим пополам! – воодушевившись скорым обретением железного коня, я поспешила переодеться.

Вернулась как раз вовремя, когда Сашка уже собрался праздновать победу, но Дед сообщил о еще одном претенденте на приз. Борзой повернулся в мою сторону, хмуро разглядывая, пока я забиралась через канаты.

– Кид, это плохая идея. Ты же знаешь, поддаваться я не буду.

– Боишься все-таки меня, Борзенький? Ну, тогда сдавайся без боя.

Я протянула руки Деду, чтобы нарядил мои руки в бинты, мне же еще ими рисовать и на спусковой крючок нажимать, жалко калечить. Сашка тихо выругался, обозвав меня безбашенной малолеткой, встал по центру, явно пытаясь считать, какую линию я выберу. Сам же меня учил и просчитает мои ходы моментально. Но есть то, что он не учел. Я детдомовская. А у нас свои

методы борьбы были против сильнее физически ребят. И учитель у меня там был намного страшнее Санька и Резвого, вместе взятых. Отморозок и упырь Ванечка.

Кокетливо улыбаясь, иду к моей жертве, поправляя короткий топ на груди. Мужчины все одинаковы, даже если не сильно интересно, все равно смотрят. От природы не убежишь, да и показать мне есть что. На секунду задираю ткань и снова одергиваю обратно. У Борзого нервно дергается кадык и руки, приготовленные к отражению и атаке, невольно расслабляются. Он замешкался всего на пару мгновений, но мне этого достаточно. Я не нападаю, как он ждет, в корпус или лицо. Я присаживаюсь вниз и, на ходу выдергивая из его спортивных штанов шнурок, дергаю штанины. И резко встав, подсекаю ногу, выкидывая кулак ему в челюсть.

Ошарашенный парень летит на маты, другими матами выражая свои мысли о моей технике боя. Вокруг раздается смех зрителей и аплодисменты победителю.

- Кид, ты как десантник, - протягивая мне ключи от байка, смеется Дед

- Почему?

- Ну как у них говорится? С неба об землю и в бой! Прыгнула в ноги нашему Борзому, уткнувшись носом в мошонку, мужик оторопел от счастья, а ты ему в челюсть.

- Дед, так я же любя, неужто не понял?

- Не понял, - зло ответил вместо деда Сашка, перепрыгивая через канаты, пошел в сторону раздевалки с душем.

Меня раздирали два желания. Пойти немедленно покататься на своем трофее или следом за Сашкой. Мне понравился его вид в труселях. Особенно уложенный мною на лопатки. Почему не он вместо мотоцикла приз?

Решив, что байк без меня не уедет, а вот Сашка запросто, иду за ним. В раздевалке пусто, а в душе шумит льющаяся вода. Так как моя скромность и стеснительность либо умерла в зародыше, либо меня забыли ими укомплектовать, я раздеваюсь и иду в душевые.

Вот напарил-то. В кипятке, что ли, моется? Борзой, весь в пене, светил голым задом и татухами по всей спине. Как на постер смотрю. Витиеватые рисунки по бокам и по центру изображение черного волка с угрожающим оскалом. Никаких куполов я у него и раньше не видела. Интересно, он вообще сидел?

Встаю под соседнюю лейку душа и, только включив воду, слышу отборный мат. Сашка таращится на меня, силясь смотреть в лицо, но глазки его не слушаются и скользят по мне все ниже.

- Ты охренела? - рывкает на меня герой моих мечтаний, прикрывая своего напрягшегося дружка.

- Не злись. Покатаю я тебя на байке. Проигрывать надо уметь, Санечка!

- Кид, исчезни немедленно отсюда! - грозно рычит на меня волчара, надвигаясь.

Да вот только я его совсем не боюсь. Как в принципе и никого другого. Ванечка хороший учитель. Показал мне, что такое вселенское зло, вряд ли кто-то его переплюнет.

- Я тебе мешаю или смущаю? - уточняю, нагло разглядывая его. И неожиданно ловлю себя на мысли, что сравниваю Борзого с соседом.

И то, что, по моему мнению, Сашка ему проигрывает и по габаритам, и по пропорциям, меня удивляет. Да, у Санька ноги чуть короче туловища. Да, у него шея кажется крупнее головы из-за разлетающихся перекаченных трапециевидных мышц. Ну и огромные руки кажутся длинноватыми для его роста и комплекции. Но я его знаю уже два года. И он мне нравится. А с соседом я даже не знакома. Просто его фигура идеально пропорциональна и поэтому его хочется просто нарисовать, решила я. Но настроение донимать Сашку сразу улетучилось. Что за магия?

- Кид, сделай красиво? Я отвернусь на пару секунд, а когда повернусь, тебя тут уже нет. ЯСНО? - проговорив всю фразу в своем привычном спокойном тоне, последнее слово буквально выплюнул мне в лицо, проорав.

– Импотент! – рявкнула я на него в обратную и удрала, не дожидаясь пинка под зад. Этот точно может придать мне ускорение.

Все настроение мне испортил, даже покататься по заднему двору ресторана передумала, а дальше меня сторожевые псы Клима все равно не выпустят на байке. Но я решила попытать счастья и попросить у папули разрешения.

– Кид, стоять! – окликнул меня один из папиных личных охранников. – У Клима гость, туда нельзя.

– Опять тот, которого мне нельзя видеть? Сколько у папочки таких друзей? Или это один и тот же?

– Там не друг. Там его любимая марионетка. Он его называет Фантош. Это все, что можно тебе знать.

– Как? Фантош? Странное погоняло. А почему? Что он делает?

– Вали домой, Кид. Они надолго. И вопросы больше не задавай, если не хочешь без языка остаться.

Домой. Что там делать среди бела дня? Катя вся в своих уроках, а мне скучно. Я решила погулять и найти какой-нибудь пейзаж, сделать пару набросков. Бродила по парку часа два. Но ничего не брало за душу и не просилось на бумагу. Я дошла уже до выхода из парка, намереваясь все-таки пойти домой, как увидела его. Это точно был мой сосед. Та же фигура, прическа. Те же ленивые движения. Я не могла его перепутать.

Он сидел на террасе летнего кафе парка Горького, задумчиво помешивая напиток в маленькой чашке. Кофе, наверное. Кажется, я даже не контролировала свои действия, достав из рюкзака кисти и тюбики красок, быстро выдавила нужные на палитру. Это же такой шанс рассмотреть его ближе. Затаившись сбоку от него, почти в кустах, старалась запечатлеть его лицо. Которое оказалось под стать фигуре. Идеальный вариант для портрета. Он не просто симпатичный, как Сашка, он действительно красив. Тьфу, что я их опять сравниваю, как будто мужа выбираю?

Он меня не замечал, и я старательно накидывала его изображение, пока он не ушел. Глаз я не видела, но это не проблема, встречу его на выходе из кафе или сегодня в бинокль поглазею. Не зря же тащу оптику, стянув у Деда.

Мужчина подозвал официантку и попросил его рассчитать. Накидывая последние штрихи, я не заметила, как он вышел. Расстроившись, стала укладывать все в рюкзак, стоявший в моих ногах, обратно, кроме эскиза, который надо подсушить, и, разогнувшись, нос к носу встретилась со своей моделькой.

Упс.

А вот и стеснительность объявилась, видимо, решив оторваться за долгие годы отсутствия, лишила меня способности говорить. Мужчина разглядывал мой эскиз, а я нервно кусала губы. Наорет или просто отберет рисунок? Пока молча разглядывает, застыв все в той же ленивой, расслабленной позе.

Но в момент, когда он поднял на меня взгляд, в душе все оборвалось от страха. Самого настоящего. Тот озноб, когда мне казалось, что он смотрит на меня в окно, показался детской забавой.

Его красивые, синие глаза были... мертвыми. Совсем без признаков интереса к чему либо. Никаких эмоций. И, что самое нереальное, даже безразличия не было. НИ-ЧЕ-ГО. Пустой, бездушный взгляд. Он что, инопланетянин? Разве бывает такой взгляд у людей?

Глава 3

Мужчина просто молча смотрел на меня, неспешно разглядывая с головы до ног и обратно. Как будто лошадь выбирает. Зубки показать?

- Не нравится? Я просто торопилась, - зачем-то принялась я оправдываться. Ау, Лера? Ты где? Что за мямля в твоей шкуре?

Мужчина опять опустил взгляд на эскиз. Молча разглядывал его пару минут. Эксперт, что ли? Может, тоже рисует? Надеюсь, не тем, чем вчера перед окнами маячил. А то сейчас таких сумасшедших много, в Питере вон женщина грудью пишет. И ничего, народ покупает сиськины шедевры.

– Я не разбираюсь в искусстве, – наконец соизволил ответить мужчина. Голос приятный. Очень. Его хоть в чем-то создатель обделил? Или он эталон, а остальные жалкие копии?

– Я бы хотела написать ваш портрет. Вы... у вас внешность идеальна для академического рисунка, понимаете?

– Нет.

– Ну, это когда пишешь реальность. Точное копирование, не додумывая и не совершенствуя. Я не знаю, как еще объяснить...

– Я понял. Сколько тебе лет?

– Девятнадцать. Почти. Вы позволите? Я могу прийти, куда вы скажете! Только желательно освещение хорошее и насколько часов позировать, – затараторила я, вдруг он разрешит, это же намного проще, чем через бинокль отлавливать его каждый день, еще и в движении.

– В ресторане «Ovo», сегодня в семь вечера.

– А писать где? – не поняла я. Может, он там работает? В кабинете где-то позволит мне присутствовать, пока он бумажки с места на место перекладывает?

– В ресторане «Ovo» в семь вечера. Ужин. За тобой заехать? – повторил мужчина, и до меня дошло, что он приглашает меня в ресторан! Офигеть! Или пока он будет трапезничать, мне его рисовать? Да без разницы, пусть жует.

– Не надо заезжать. Я сама! Я там как раз рядом живу, – соврала я с три короба, не желая раскрывать ему свое место проживания. И причин для этого тоже три короба.

– Как зовут? – спросил мужчина, и во взгляде промелькнул интерес. Или я это себе придумала, с меня станется. Потому что ни его мимика, ни глаза по-прежнему не позволяли понять эмоции.

– Маша, – конечно же, соврала я.

– Машенька, – повторил сосед и опять уставился на меня синими глазищами. И теперь в нем явно была заинтересованность и доброжелательность.

– А вас?

– Тебя. На «ты», – коротко поправил меня синеглазый. – Меня зовут Евгений. До встречи, Маша.

– Ага, – кивнула я уже в спину. Он даже не ждал от меня подтверждения, сразу отвернувшись, уходил в сторону парковки.

Значит, не инопланетянин. Я очень много времени посвящала изучению мимики и училась писать портреты с разными эмоциями. Ведь очень важно чтобы на картине можно было понять чувства изображенного человека. Но самым главным учителем стал мой папа. Он считает, что манипулировать людьми это самый простой и интересный способ добиваться от них того, что нужно тебе. Наверное, поэтому он и лидер в своей группировке. Он знает каждого наизусть. И сильные стороны, и все слабые места, уязвимые. Знает, как вывести человека, чтобы он не смог скрыть истинные чувства, как бы он ни старался и что бы ни говорил. Настоящий Карабас Барабас, дергающий за ниточки кукол в своем театре.

Меня посетила странная мысль, что Евгений очень хорошо контролирует свои эмоции и показывает лишь то, что он сам хочет. Поэтому он казался роботом. Нажал на кнопку – взгляд поменялся, смягчился. Но, наверное, это в моей голове всякие глупости после папочкиных мозгопромывательств, замечаю то, чего нет, и всякая чертовщина мерещится.

Уже в половине седьмого я была неподалеку от ресторана. Конечно, я не собираюсь торчать у входа и ждать его. У нас же не свидание, а деловая встреча. Значит, прослежу, как он приедет, и приду сразу. Нельзя опаздывать на встречи по делу. Это моветон.

– Маша... Мария ... Машенька, – кто-то за спиной звал какую-то Машку. Я обернулась посмотреть, что там за непоседа непослушная, и увидела в трех шагах Евгения. Черт! Маша – это же я! Вот поэтому ненавижу врать, я такая рассеянная, забываю через пять минут, что насочиняла!

– Добрый вечер, Евгений

– Да. Пойдём, – он галантно предложил мне локоть, и я воспользовалась этим, конечно.

Хоть я и нацепила подаренное папой платье, в котором хоть в театр, но все же под руку со спутником входить в ресторан гораздо комфортнее. Ну и полапать его хотелось, конечно. Интересно, же какой этот Аполлон на ощупь. Оказался твердым. Может, и правда киборг. Железяка с имитацией кожного покрова?

В ресторане все вопросы были стандартными. Какую кухню я люблю, где учусь, давно ли пишу и всякое такое. Хорошо, про родителей не спросил.

– Маша, может, десерт? – предложил Евгений после ужина. Наверное, я переборщила со скромностью. Заказав немного, чтобы он не удрал от обжоры.

– Нет, спасибо. А когда можно будет вас... тебя рисовать? Тут будешь позировать?

– Машенька, а ты не против, если я буду позировать у себя дома? Освещение там можно выставить любое.

Он опять выглядел спокойным, доброжелательным, и вроде для паники нет причин. Но в моем воображении над его головой уже истерично мигала надпись «Опасность». Но когда это меня останавливало? Да и не догадывается, что я не Милашка, как он меня назвал, за ужином.

– Конечно. Как тебе удобно, – ответила я, подумав, что и мне удобно. До чердака за две минуты потом добегу.

Заказав с собой еще одну бутылку вина и рассчитавшись за ужин, мы вышли из ресторана. И оказалось, что он на машине. Неожиданно. Он ведь подошел ко мне

на другой стороне дороги от заведения. На тротуаре. И он ведь пил вино. Или только я пила? Какая же я рассеянная! Я не обратила внимания, что он пьет.

– Я не пил алкоголь, – сообщил мне Евгений, видимо, заметив мои сомнения ехать с нетрезвым водителем, и открыл мне пассажирскую дверь автомобиля.

Я, конечно, бесстрашная, но рисковать так глупо не стала бы. Хорошо, что он не пил. Только вот я о чем думала, когда хлебала винишко? Как писать-то теперь? Как Ван Гог? Ухо на заднице? Искраженную реальность? Ну ладно, может, и получится шедевр.

Но меня ожидал сюрприз. Мы приехали не в квартиру, где он живет, а в какой-то дом за городом. Евгений припарковал авто и, повернувшись ко мне, протянул руку, чтобы отстегнуть мой ремень. Он наклонился так близко, что я чувствовала его дыхание на лице. Щелкнув кнопкой, он не отпустил ремень, а проводил его до гнезда в своей руке и задержал ее там, глядя мне в глаза. Его взгляд притягивал и дурманил еще больше. Сердце мгновенно ускорило бег, повышая температуру тела и учащая дыхание. Он не дотрагивался до меня, но это не спасло, а наоборот – усугубляло. И со мной такого прежде не случалось. Даже голый Сашка в душе не вызвал такого бешеного желания, занывшего внизу живота за какие-то пару секунд.

В глазах Евгения теперь четко читались его намерения. Синие глаза потемнели, зрачки почти перекрыли радужку. Конечно, в темноте у всех зрачки увеличиваются, но в этих глазах я отлично видела страсть. Как будто он намеренно мне показывает это настолько явно, что сомнений быть не может.

Я все больше путалась в мыслях. Все ускользало из сознания. Промелькнули и мысли, что я зря поехала с незнакомым человеком непонятно куда, и то, что он действительно альфа-самец, от него пышет жаром и силой, он подавляет и гипнотизирует. Точно!!! Он, наверное, меня гипнотизирует! Этой догадке удалось зацепиться за мой бестолковый мозг, и я решительно отвела взгляд. Сразу почувствовав облегчение, постепенно успокоив дыхание, осторожно покосившись на него, спросила:

– Евгений, а я же говорила, что позировать нужно в полный рост, обнаженным?

Евгений быстро закрыл глаза и отвернулся, выходя из машины, и, пока я приходила в себя от этой необычной ситуации, он уже обошел машину и открыл мне дверь, подав руку, опять не произнося ни слова. Странный тип.

– Это твой дом, – решила я прервать неловкое молчание. Хотя неловко было только мне. А ему – непонятно. Кажется, он не ощущал дискомфорта. Может, он интроверт? Необщительный, немногословный. – Ты здесь живешь?

– Мой. Иногда приезжаю, – очень тихо сказал странный тип.

Забрав мои вещи с заднего сиденья, он жестом пригласил меня идти с ним по дорожке к дому. Мрачному из-за темного фасада, облицованного серо-черным камнем, и ни в одном окне нет света. Логово маньяка или отшельника. Что хуже, интересно? Дом под стать хозяину, Женя тоже в рубашке цвета антрацит и черных брюках, и таких же черных ботинках.

Едва мы зашли в дом, Евгений включил управление на мониторе около двери. Если правильно помню, такие штуки называют «Умный дом». Нажимая на сенсорный экран, он включил освещение, отчетливо прозвучали щелчки входной двери. Запер. И это напугало меня немного, но Евгений заметил мой взгляд на дверь и спокойно сказал:

– Это для безопасности. Все окна и двери заблокированы, если захочешь уйти, просто нажми вот сюда, – ткнув пальцем, показал он значок замка двери на экране.

В двери опять щелкнуло, и я решила проверить, нажав на ручку. Действительно открыто.

– Если ты передумала, я могу тебе вызвать такси, – все так же тихо предложил Женя, чуть склонив голову, как будто изучал меня и мою реакцию.

– Евгений, а где самая светлая комната?

– Женя, – опять поправил меня он, третий раз за вечер. – В гостиной восемь вариантов освещения, думаю, ты найдешь для себя подходящий. Проходи.

Вот опять не могу угадать. Он рад, что я осталась, или ему все равно? Что за человек такой. Меня это начинает раздражать. Ох, чую, натворю я дел!

– Женя, я бы хотела начать писать, раздевайся.

– Хорошо.

Киборг, блин. Ни один мускул не дернулся. Пока я располагалась со своими красками и альбомом на кофейном столике, Евгений совершенно спокойно раздевался. Блеснув черными камнями в запонках, небрежно бросил их на полку бюро... вот это да... у него есть бюро! Как в старых фильмах. Пока я зависла, разглядывая явно антикварную мебель в этой комнате, Женя уже снял рубашку и тоже застыл, глядя на мои краски и листы.

– Маша, а почему ты не взяла с собой мольберт?

– У меня его нет. Я только наброски сделаю, потом напишу. По ним и по памяти. И мольберт куплю. Потом. Переносной такой на ножках.

– Разве удобно так рисовать? – подходя ко мне, спросил Женя, а у меня язык к небу прилип. Я не могла отвести глаз от его торса. Да, Лерка, ты не ошиблась, наблюдая за ним из окна. Античный воин эпохи Возрождения. Длинная шея, жилистые руки с рельефной плечевой зоной, развитая мускулатура, V-образная спина и четкая талия с твердым прессом, и даже замерять пропорции карандашом не надо. И так видно, что верхняя половина туловища и низ одинаковые от пупка.

Женя расстегнул ремень и снял брюки, стоя в двух шагах от меня, так же небрежно кинул их на кресло. Когда он подцепил пальцами резинку боксеров, я поспешно отвернулась, делая вид, что убираю волосы, закручивая их в пучок и закрепляя карандашом вместо шпильки. Всегда так делаю, потом ищу этот карандаш. Справившись со своей непослушной копной, повернулась в его сторону и... никого не увидела. Что за чертовщина?

– Оставь их распущенными, – прошептал мне в ухо Женя, каким-то непонятным образом материализовавшийся за моей спиной.

Он опять не прикасался ко мне, но стоял очень близко. Обволакивая своим ароматом парфюма и жаром тела. И его дыхание растекалось по шее, заставляя меня дрожать от предвкушения его прикосновений, которых я с нетерпением ждала. Ведь он не смотрит мне в глаза, значит, это не гипноз? Это уже мои желания? Мои руки сами собой потянулись к волосам, распуская их. Одновременно с падающей копной, молния моего платья поехала вниз. Не сама собой, конечно, ей помогли ловкие пальцы моего натурщика.

Глава 4

Мое платье с тихим шелестом соскользнуло на пол, ловко и почти молниеносно он скинул его с моих плеч, почти не касаясь. Боже, кто же он? Гипнотизер? Иллюзионист? Маньяк? Я резко развернулась к нему лицом и опять попала в этот водоворот синих глаз. Они манили за собой, призывали поддаться желанию, которое все сильнее разгоралось во мне от его близости, запаха и его мощной энергетики.

- Ты маньяк? - все же умудрилась спросить я. Очень вовремя, конечно. Стоя в одних трусиках перед полностью обнаженным мужчиной.

- Теперь, кажется, да, - тихо сказал Женя, - я не могу тебе противостоять, Маша, - в его глазах помимо пленящего огня промелькнула растерянность, как будто он сам от себя не ожидал такого.

Как же неприятно слышать чужое имя, но что поделать, сама виновата. И что значит - не может противостоять, это он сейчас жертва? Я его соблазняю? Это же совсем другое дело, это я люблю!

Женя все еще не дотрагивался до меня, наверное, давая мне шанс уйти. Он скользнул по мне взглядом, задержавшись на ключицах на мгновение, и опустил ниже, на грудь, которая уже сладко потяжелела и отвердевшие соски настырно требовали его ласк. Губы Жени чуть приоткрылись, как будто он желал того же. Но он по-прежнему не двигался, а я уже изнывала от желания почувствовать его объятия, поцелуи. И раз уж я тут главная и вообще-то смелая на всю голову,

значит, я могу делать все, что хочу.

Подняв обе руки, я опустила ему их на плечи, и это лишило меня последнего шанса избежать секса с первым встречным. Женя больше не стоял неподвижной куклой. Крепкая рука тут же обхватила меня за талию, прижимая к себе. Свободной рукой он удерживал мой затылок, не давая мне отводить взгляд, и я, поддавшись порыву, прижимаюсь к его плотно сжатым губам, он не спешит ответить мне на поцелуй, и это болезненным уколом разочарования пронзает меня так, что я готова уже отступить. Но он не дает мне маневра, опуская руку на ягодицы, вжал меня настолько крепко, что я ощущаю всю мощь его эрегированного члена, горячим стержнем вжимающегося в меня, не оставляя сомнений, что этот самец меня не выпустит из рук, пока не получит то, что хочет.

От него просто необъятными потоками исходит похоть, обжигающая кожу, заставляя меня в ней тонуть, забыться. И такая же сильнейшая волна, кричащая об опасности этого мужчины, о том, что нужно бежать от него без оглядки.

Женя снова ловит со мной зрительный контакт и в то же мгновение сдвигает тонкую полоску трусиков и проникает пальцами в мою плоть, заставив вскрикнуть и сжать его плечи сильнее.

- Не бойся меня, - вдруг тихо говорит Женя, продолжая движения пальцами, с каждым разом погружая их глубже.

Внизу живота становится горячее, и впервые я чувствую такую влажность и такие тугие спазмы, что из горла вырывается невольный сдавленный стон. Я заживо сгораю от жара наших тел, от его потемневших глаз, не сводящих с моего лица взгляда. Я явно вижу, что он изучающее смотрит на меня, но уже не могу ничего сделать со своим телом, безропотно отзывающимся на его настойчивые и умелые ласки.

Внезапно толчки пальцами прекращаются и, не дав мне опомниться, он сдергивает с меня последнее кружево, подхватив на руки, несет на диван. Едва я ощутила под собой мягкую ткань, рука Жени слегка надавливает мне на горло, заставляя откинуться назад. Слышится шелест фольги, и через секунду горячие ладони дергают мои бедра. Я вскрикиваю от ощущений вторжения тяжелой плоти, немного болезненно растягивающей лоно. Но Женю это не беспокоит, он

продолжает методично вбиваться в меня, исследуя глазами. По телу прокатывается странное наслаждение, граничащее с болью, которое стремительно концентрируется внизу живота, нагнетая и без того бешеную пульсацию до предела.

От переизбытка ощущений спину выгибает дугой, и я слышу его сдавленный стон, прежде чем его губы накрывают грудь, прикусывая набухший сосок. Пальцы Жени ложатся мне на клитор, массируя. Контраст этих ощущений настолько полярный, – мягкие, почти нежные, но настойчивые движения пальцев, и буравящая меня массивная твердость внутри. Внезапно как вспышкой меня оглушает первый в моей жизни оргазм такой силы, что я чувствую не только судорожную пульсацию вокруг его члена, но и мелкую дрожь в ногах.

Я не успеваю прийти в себя, как Женя быстро переворачивает меня на живот, приподнимая ягодицы и не позволяя подняться, прижав тяжелой рукой спину, снова врезается в меня быстро, как сошедший с ума отбойный молоток. Мне кажется, что я больше не вынесу, но новая густая вулканическая лава опять разбегается по венам, обжигая и наращивая с каждым его толчком и звуками соприкасающейся плоти. Вторая волна потрясает меня как от ударов током, оглушая собственными стонами и криком, и где то вдалеке слышу хриплое рычание Жени, и он выходит сразу, как прекращаются мои спазмы. Слышу звук щелкнувшей резинки, и раскаленная эрекция прижимается к моим ягодицам, сжимая их руками, Женя почти неслышно стонет, и через несколько скользящих движений по пояснице и ягодицам рассыпаются горячие брызги.

Густой туман вокруг рассеивается, и я хочу встать, но Женя не позволяет мне, опуская руку, теперь уже с салфетками мне на спину. Пока он убирает свои следы, на меня накатывает чувство стыда. Переспала с первым встречным. Беречь-то мне, конечно, уже нечего. Ни девственности, ни совести давно нет. Но почему-то было очень горько от мыслей, что я – достойная дочь своих родителей. Мама – жрица любви, папа – вор. И дочурка впитала все самое лучшее. Будущая убийца и нынешняя шлюха.

– Маша, – позвал меня Женя, видимо заметив, что я ушла в свои мысли, забыв, что лежу голышом на его диване.

Я повернулась убедиться, что в его глазах опять пусто, но он опять удивил. Женя явно был обеспокоен моим настроением.

– Все нормально. Вызовешь мне такси? – как можно беззаботнее спросила я.

В конце концов, мне нечего терять, я все равно не выберусь из папиной ямы. Плевать на этого Женю. Пусть думает, что хочет. Нарисую по памяти и буду в него дротики кидать.

– А ты не можешь остаться? Я напугал тебя? – спросил Женя, впервые за все время нахмутив брови. Надо же, оказывается, умеет.

Наверное, прими я тогда решение уехать, все было бы совсем по-другому. Но либо неведомые мне космические силы, либо гипнотизирующий взгляд синих глаз не позволили мне это сделать. И с этого началась моя бесперспективная авантюра.

– Мне нужно предупредить... дома, что не приеду.

Женя кивнул и, оставив меня одну, вышел из комнаты. Я позвонила Кате, предупредив, что не приду ночевать. Подруга, конечно, запереживала, что меня обязательно лишат девственности насильно и вообще плохо со мной поступят. Но сдалась, понимая, что если Лерке что пришло в голову, так это уже не выбить.

В одном угадала – лишили насильно. Только было это пару лет назад, и не Женя, а обожаемый всеми Ванечка. Ну да ладно. О мертвых либо хорошо, либо ничего. Да и незачем об этом вспоминать. Теперь я убедилась, что может быть по-другому. Волшебнo, безудержно, до судорог и шквала феерических ощущений. Витая в облаках, даже не заметила, как вернулся мой натурщик, забывший о своих обязанностях.

Снова молча протянул мне стакан сока. Чуть не ляпнула, что могу, как и он, прямо из пакета попить. Он разгуливал голышом, впрочем, и я не потрудилась одеться. И все равно сначала хочется в душ. Забрав опустевший за минуту стакан, он направился опять к двери.

– Женя! – окликнула я голозадого, и то, что он остановился только спустя два шага, должно было насторожить меня, но, к сожалению, в тот момент даже не показалось странным.

– Я сейчас вернусь, – не дожидаясь моих вопросов, он вышел, а вернулся уже с полотенцами и халатами.

– Тут есть небольшой бассейн, хочешь поплавать? – спросил меня Евгений, остановившись напротив меня, сидящей на диване.

Это он в расслабленном состоянии такой огромный? Я судорожно сглотнула, не понимая, как это вообще в меня поместилось, теперь понятно, почему было больно. И, кажется, застыла, приоткрыв рот от удивления.

– Маша, ты меня провоцируешь, – слышу хриплый голос сверху и, подняв глаза, вижу, что он снова наблюдает за мной.

– Да, хочу в бассейн, – удачно вовремя вспомнив его вопрос, быстро встала с дивана, зачем-то прикрывая грудь руками. Он же ее уже детально разглядел, поздно стесняться. Но, видимо, это какие-то отголоски стыдливости остались во мне.

Как жаль, что нельзя посмотреть заранее, чем закончатся отношения. Возможно, это спасло бы меня от самой адской боли в жизни. Как жаль, что я не смотрела по сторонам, не замечала многих вещей в комнатах, способных рассказать о хозяине. Как жаль, что мне всего девятнадцать и я еще совсем неопытна в отличие от него.

Глава 5

Женя пошел впереди, и я наконец могла разглядеть его шрам на спине. Только это был не совсем шрам. Это был выжженный участок кожи. Возможно, какой-то кислотой. Мысль, что он так неудачно свел татуировку, я сразу отмела. Слишком ужасающего вида был ожог. Как будто его не только прожигали, но еще и резали края, и сшивал их хирург после недельного запоя. А еще он был очень странной формы. Небольшой, полукруглый сверху, расширялся книзу, где было самое месиво из кожи. Как пенис. Блин, ну и ассоциации, Лера! «Как ракета» хотя бы можно было подумать?

Небольшой бассейн оказался метров двадцать в длину. Возможно, для него и небольшой, пару гребков такими ручищами – и тукнется о бортик головой.

– Маша, ты можешь поплавать, я тут посижу, – сказал Женя, кинув вещи на кресло, и сел на другое, вытянув ноги так, что я не смогу пройти к ступенькам, не перешагнув через них.

– А ты не будешь плавать? – удивилась я, сам же предложил.

– Я не умею, – просто ответил Женя и, кажется, потерял ко мне интерес, откинувшись на спинку и прикрыв глаза.

Кстати, теперь я точно определила их цвет. Индиго. Темно-синие с фиолетовым подтоном. Он точно рептилоид. Никогда не видела эти тона у других синеглазых.

Зачем человеку, не умеющему плавать, в доме бассейн? Хочет научиться без посторонних взглядов? Так для этого есть индивидуальные занятия с тренером, без других водоплавающих. Он странный, очень странный. И мне, в отличие от этого Адама без фигового листа, некомфортно голышом перед ним расхаживать.

– Женя... Евгений... Женек! – бесполезно, кажется, уснул.

Я решила осмотреть помещение, заодно обойти бассейн по кругу, чтобы не перешагивать через него. Ничего необычного я не встретила, обычная плитка везде, всякие принадлежности для плавания. Вот, например, перчатка – счетчик кругов в воде, ну и всякие там ласты, маски. Интересно, если он плавать не умеет, для кого все это?

А в конце длинного помещения была дверь, которая оказалась заперта. Странно, вроде обычная, я думала, что там душ или сауна, зачем ее запирают? Несколько раз подергав ее, убедилась, что она заперта крепко. Я даже попыталась разглядеть что там, в замочную скважину, но увидела только темноту, хоть и вертелась, согнувшись в спине, там долго, пытаюсь дождаться, когда зрение привыкнет к темноте и позволит увидеть хотя бы очертания предметов, но, не дождавшись, выпрямилась. Неожиданно в затылке похолодело и появилось ощущение, что мне грозит смертельная опасность, резко развернувшись, поймала в сантиметре от своего носа мяч для игр на воде.

Женя расслабленно лежал на воде, лениво разглядывая меня, тело полностью погружено, только перископ торчал из воды и был явно не так расслаблен, как хозяин, скорее, так же напряжен. Кинув мяч ему обратно, прыгнула в воду щучкой и старалась как можно дальше проплыть под водой в начало бассейна. Глаза я не рискнула открыть, вода явно хлорирована, но то, что он плавает рядом, я чувствовала. И как бы я ни меняла траекторию своего недолгого заплыва, эти ощущения не проходили.

Вынырнув на поверхность, сразу огляделась, далеко не пришлось искать, Женя поднялся из воды в паре сантиметров от меня, по пути заскользил по мне руками с пятки до груди и обратно по бокам до поясницы. Толкнув меня к бортику, прижал к холодной плитке горячим телом.

Я подняла на него глаза и, встретившись с ним взглядом, опять поплыла, только охладила пробежавшая мысль, что он снова не собирается меня ни целовать, ни в принципе дарить хоть какие-то ласки. Просто голый секс. Как с резиновой куклой или, что еще хуже, с проституткой.

Понятно, конечно, кто же целует доступных женщин, которые кроме имени ничего о человеке не знают, но безотказно позволяют все. Наверняка он решил, что я со всеми такая. Просто блядь.

Не дожидаясь, пока он снова соблазнит меня, я оперлась на его плечи, с силой надавив под ключицами на спине, отчего он непроизвольно отвел от меня руки, и, оттолкнувшись, села на бортик, быстро вставая на ноги. Даже не сомневалась, что если бы он захотел, то остановил бы меня, но не стал, просто молча наблюдая. Но мне молчать надоело.

– А ты обо всем мне соврал? И про то, что плавать не умеешь, и про то, что я могла уйти, если бы захотела?

– Да, – просто ответил Лжец, продолжая спокойно наблюдать, как я кутаюсь в махровый халат, пошитый на Халка, кажется.

– И не целуешься, потому что я слишком доступная? Думаешь, я со всеми такая?

– Да, – опять ответил Женя, двумя буквами причинив мне мерзкую боль в душе.

– Я хочу уехать, вызовешь мне такси?

– Да, – вот заладил-то. Может, потрясти коробочку, чтобы другие слова вспомнил?

Злость кипела во мне со страшной силой и на себя и на него. Даже не знаю, на кого больше. Надо убираться, пока я ему заточку в глаз цвета индиго не всадила.

Пока я носилась по гостиной в поисках одежды и переодевалась, Женя уже возник откуда-то в сером спортивном костюме и, задержавшись у моих эскизов, вышел звонить, вызывая машину.

Переодевшись, я не остыла, с той же злостью собирая свои краски, кисти и эскизы, на которых лежала пятитысячная купюра. Его счастье, что он вышел. Иначе я прилепила бы ему эту купюру на лоб, надежно зафиксировав гвоздем. А так у меня созрела маленькая женская месть.

Когда он вернулся, я уже почти пришла в себя. Моя Лерочка вернулась, пнув под зад слабовольную Машуню. Мы так же молча вышли из дома, и я даже не смотрела на него, пока ждали машину, разглядывая двор этого дома. Но все же, как оказалось, я была в сильном эмоциональном потрясении, ведь в тот вечер, увидев мишени в конце двора, я даже не придавала им значения. Я к ним настолько привыкла, что они не казались мне чем-то инородным.

Машина приехала быстро. Дождавшись, когда Женя откроет мне дверь, намеренно громко сказала ему:

– Спасибо, что так высоко оценил меня. Но, к сожалению, не могу ответить тем же. Вот все, что ты заслужил, – подняв к его глазам сторублевую купюру, разорвала ее пополам и сунула одну половинку ему за шиворот.

В синих глазах забушевал такой коктейль эмоций, что я поспешила сесть в машину и сразу заблокировала дверь.

– Трогай, Шеф, – вспомнив фразу из фильма, попросила я водителя.

Машина, шурша колесами, покати́лась, а я даже не повернула к нему лица. Но знала, что он смотрит мне вслед.

Катя напросилась со мной в парк Горького. Решила подышать «свежим» московским воздухом, пока я пишу. Конечно, я рассказала ей о своем ночном приключении, не вдаваясь в детали и не говоря всей правды.

– А это правда больно? В первый раз? – подняла болезненную для себя тему подруга.

Пришлось напрягаться и вспоминать, как это было в первый раз. Больно. Адски больно. И где бил, и где трахал. Но, конечно, ей я не скажу так.

– Катюш, у всех, наверное, по-разному. Мне не сильно больно было.

– А почему ты сбежала от него ночью?

– Поняла, что он бандит. А мы же решили с плохими людьми не связываться, – соврала я, даже не подозревая, насколько близка к правде.

– Лера, – шепотом позвала Катя, наклоняясь прямо к уху, – бежим отсюда, там какой-то мужик на нас смотрит. Взгляд... страшный очень.

Так вот почему у меня кисточки трясутся, не от воспоминаний, а от их создателя. Быстро обернувшись, увидела Евгения в нескольких шагах от нас. Стоял небрежно, как будто он тут сам по себе гуляет, слегка согнув одну ногу в колене и сунув руки в карманы все того же спортивного костюма. Он что, спал в нем? Или побегать в парк приехал?

– Катюш, это он. Иди погуляй, мне с ним поговорить надо.

– Ле... – начала Катя, но я ее перебила, не дав ляпнуть мое имя вслух:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/ru/savel-eva_alina/fantosh-moya-mishen

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)